

ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ ГЕТЕ

УЧЕНИЕ О ЦВЕТЕ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.112.2-2
ББК 84(4Гем)-6
Г44

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с немецкого *В.О. Лихтенштадта*

Серийное оформление *Е.А. Ферез*

Компьютерный дизайн *А.А. Чаругиной*

Гёте, Иоганн Вольфганг.

Г44 Учение о цвете / Иоганн Вольфганг Гете ; [перевод с немецкого В.О. Лихтенштадта]. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 256 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-133330-0

Все знают Гете — великого поэта, драматурга и писателя. Но эта книга открывает его для читателя с совершенно неожиданной стороны — как оригинального ученого, вступившего в научную полемику с самим сэром Исааком Ньютоном!

Что представляет собой цвет? Ньютон изучал его с точки зрения его физической природы. Гете же интересуется не физической, а, скорее, физиологическая сторона: как человек воспринимает разнообразные цвета и что на это восприятие влияет? Наблюдения и выводы его, точные и остроумные, и в наши дни представляют огромный интерес.

УДК 821.112.2-2
ББК 84(4Гем)-6

ISBN 978-5-17-133330-0

© ООО «Издательство АСТ», 2020

УЧЕНИЕ О ЦВЕТЕ

War' nicht das Auge sonnenhaft,
Wie könnten wir das Licht erblicken?
Lebt' nicht in uns des Gottes eigne Kraft,
Wie könnt'uns Göttliches entzücken?¹

---

¹ Не будь у глаза своей солнечности, как могли бы мы видеть свет? Не живи в нас самобытная сила Бога, как могло бы нас восхищать Божественное? (нем.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда собираешься говорить о цветах, сам собою напрашивается вопрос, не нужно ли прежде всего упомянуть о свете. На этот вопрос мы дадим короткий и прямой ответ: так как до сих пор о свете было высказано столько разнообразных мнений, то представляется излишним повторять сказанное или умножать положения, так часто повторявшиеся.

Собственно, ведь все наши усилия выразить сущность какой-нибудь вещи остаются тщетными. Действия — вот что мы воспринимаем, и полная история этих действий охватила бы, без сомнения, сущность данной вещи. Тщетно пытаемся мы описать характер человека; но сопоставьте его поступки, его дела — и перед вами встанет картина его характера.

Цвета — деяния света, деяния и страдательные состояния. В этом смысле мы можем ожидать от них разъяснения природы света. Цвета и свет стоят, правда, в самом точном отношении

друг к другу, однако мы должны представлять их себе как свойственные всей природе: через них природа целиком раскрывается чувству зрения, глазу.

Точно так же раскрывается вся природа другому чувству. Закройте глаза, раскройте, изошрите уши, и от нежнейшего дуновения до оглушительного шума, от простейшего звука до величайшей гармонии, от самого страстного крика до самых кротких слов разума — вы услышите природу, и только природу, которая говорит, которая раскрывает свое бытие, свою силу, свою жизнь и свои взаимоотношения, так что слепой, для которого закрыт бесконечный видимый мир, может в слышимом охватить бесконечно живой мир.

Так говорит природа и остальным чувствам — и знакомым, и неосознанным и незнакомым ощущениям; так говорит она сама с собою и с нами посредством тысячи явлений. Для внимательного наблюдателя она нигде ни мертва, ни нема; и даже косному земному телу она дала наперсника — металл, в мельчайших частях которого мы могли бы увидеть то, что совершается во всей массе.

Каким многоречивым, запутанным и непонятным ни кажется нам нередко этот язык, элементы его остаются одни и те же. Тихо склоняя то одну, то другую чашу весов, колеблется природа туда и сюда, и таким путем возникают две стороны, возникает верх и низ, прежде и после, и этой

двойственностью обуславливаются все явления, встречающиеся нам в пространстве и времени.

Эти общие движения и определения мы воспринимаем самым различным образом: то как простое отталкивание и притяжение, то как проглядывающий и вновь исчезающий свет, как движение воздуха, как сотрясение тела, как окисление и раскисление; но всегда они соединяют или разделяют, приводят вещи в движение и служат жизни в том или ином ее проявлении.

Полагая, что эти два направления неравны друг другу по своему действию, пытались выразить как-нибудь это соотношение. Повсюду подмечали и называли плюс и минус, действие и противодействие, активность и пассивность, наступающее и сдерживающее, страстное и умеряющее, мужское и женское; так возникает язык, символика, которой можно пользоваться, применяя ее к сходным случаям в качестве подобия, близкого выражения, непосредственно подходящего слова.

Применить эти всеобщие обозначения, этот язык природы также и к учению о цветах, обогатить и расширить этот язык, опираясь на многообразие изучаемых здесь явлений, и тем облегчить друзьям природы обмен более высокими воззрениями — вот главная задача настоящего сочинения.

Сама работа распадается на три части. Первая дает очерк учения о цветах. Несчетные слу-

чаи явлений подведены в этой части под известные основные феномены, расположенные в порядке, оправдать который предстоит введению. Здесь же можно заметить, что, хотя мы везде держались опыта, везде клали его в основу, тем не менее мы не могли обойти молчанием то теоретическое воззрение, согласно которому возник этот подбор и порядок явлений.

Да и вообще, чрезвычайно удивительным является выставляемое иногда требование, хотя оно не исполняется даже теми, кто его ставит: излагать результаты опыта без всякой теоретической связи и предоставить читателю, ученику, самому составить убеждение себе по вкусу. Но ведь когда я только смотрю на вещь, это не подвигает меня вперед. Каждое рассмотрение переходит в рассматривание, каждое рассматривание в размышление, каждое размышление в связывание, и поэтому можно сказать, что уже при каждом внимательном взгляде, кинутым на мир, мы теоретизируем. Но делаем и применяем это сознательно, с самокритикой, со свободой и — пользуясь смелым выражением — с некоторой иронией: такой прием необходим для того, чтобы абстракция, которой мы боимся, была безвредна, а опытный результат, которого мы ждем, — достаточно живым и полезным.

Во второй части мы занимаемся разоблачением Ньютоновой теории, которая властно и influentially закрывала до сих пор путь к свобод-

ному воззрению на цветовые явления; мы оспариваем гипотезу, которая, хотя и не считается уже пригодной, все-таки сохраняет среди людей традиционный авторитет. Чтобы учение о цветах не отставало, как до сих пор, от столь многих лучше обработанных частей естествознания, нужно выяснить истинное значение этой гипотезы, нужно устранить старые заблуждения.

Так как эта вторая часть нашего труда покажется по содержанию сухой, по изложению, пожалуй, чересчур резкой и страстной, то, чтобы подготовить к этой более серьезной материи и хоть несколько оправдать это живое к ней отношение, позвольте привести здесь следующее сравнение.

Ньютонову теорию цветов можно сравнить со старой крепостью, которая была вначале с юношеской поспешностью заложена основателем, впоследствии мало-помалу расширялась и обставлялась им сообразно потребностям времени и обстоятельств и в такой же мере укреплялась ввиду враждебных столкновений.

Так же продолжали дело и его преемники и наследники. Были вынуждены увеличивать здание: тут пристраивать, там достраивать, еще где-нибудь возводить флигеля, — вынуждены благодаря росту внутренних потребностей, напору внешних врагов и многим случайностям.

Все эти чужеродные части и пристройки приходилось снова соединять удивительнейшими

галереями, залами и ходами. Что повреждалось рукой врага или властью времени, тотчас же снова восстанавливалось. По мере надобности проводили более глубокие рвы, возвышали стены и не скупались на башни, вышки и бойницы. Благодаря этим тщательным усилиям возник и сохранился предрассудок о высокой ценности этой крепости, несмотря на то что зодчество и фортификация за это время очень усовершенствовались и в других случаях люди научились устраивать гораздо лучшие жилища и укрепления. Но старая крепость была в чести особенно потому, что ее никогда еще не удавалось взять, что немало штурмов было отбито ею, немало врагов посрамлено, и всегда она держалась девственницей. Это имя, эта слава не умирает и поныне. Никому не приходит в голову, что старая постройка стала необитаемой. Все снова говорят о ее замечательной прочности, ее превосходном устройстве. Паломники отправляются туда на поклонение; бегло набросанные рисунки ее показывают во всех школах и внушают восприимчивому юношеству уважение к зданию, которое между тем стоит уже пустым, охраняемое немногими инвалидами, совершенно серьезно воображающими себя в полном вооружении.

Таким образом, здесь нет речи о долговременной осаде или о распре с сомнительным исходом. На деле мы застаем это восьмое чудо мира уже как покинутый, грозящий обвалом па-

мятник древности и тотчас, без всяких околичностей, начинаем сносить его, с конька и крыши, чтобы впустить наконец солнце в это старое гнездо крыс и сов и раскрыть глазам изумленного путешественника весь этот бессвязный архитектурный лабиринт, его возникновение ради временных нужд, все его случайные нагромождения, все намеренно вымудренное, кое-как заплатанное в нем. Но кинуть такой взгляд возможно лишь в том случае, если падает стена за стеной, свод за сводом, и мусор по мере возможности тотчас же убирается.

Произвести эту работу и по возможности выровнять место, добытый же материал расположить так, чтобы можно было снова воспользоваться им при новой постройке, — вот та нелегкая задача, которую мы вменили себе в обязанность в этой второй части. Но если нам удастся, с радостью применяя возможную силу и ловкость, скрыть эту бастилию и приобрести свободное место, то в наши намерения вовсе не входит снова застраивать и обременять его сейчас же новым зданием; нет, мы хотим воспользоваться им, чтобы представить глазам зрителя дивный ряд разнообразных фигур.

Третья часть посвящена поэтому историческим исследованиям и подготовительным работам. Если мы сказали выше, что история человека рисует нам его облик, то можно утверждать также и то, что история науки и есть сама наука.

Невозможно достигнуть чистого познания того, чем обладаешь, пока не знаком с тем, чем владели до нас другие. Кто не умеет ценить по достоинству преимуществ прошлого, тот не сможет правдиво и искренно радоваться преимуществам своего времени. Но написать историю цветов или хотя бы подготовить материал для нее было невозможно, пока сохраняло силу учение Ньютона¹. Ибо никогда никакое аристократическое самомнение не взирало на всех, не принадлежащих к его гильдии, с таким невыносимым высокомерием, с каким школа Ньютона отвергала все, что было создано до нее и рядом с ней. С досадой и негодованием видишь, как Пристли² в своей истории оптики, да и другие — до и после него ведут летосчисление «спасенного» мира цветов с эпохи расщепленного (в их воображении) света и пожимают плечами, взирая на древних и более новых писателей, спокойно державшихся верного пути и оставивших нам отдельные наблюдения и мысли, которые и мы не сумели бы лучше произвести и правильное формулировать.

---

¹ *Исаак Ньютон* (1642–1727) — английский математик, физик и астроном. Его опыт с разложением белого света на спектр с помощью призмы и теоретические выводы из него Гёте отвергал и по пунктам оспаривал в полемической части своего учения о цвете.

² *Джозеф Пристли* (1733–1804) — английский естествоиспытатель, известный главным образом как химик (открыл азот, некоторые его соединения и т.д.).

От того, кто хочет сообщить нам историю знаний в какой-либо области, мы вправе требовать, чтобы он изложил нам, как люди мало-помалу познакомились с явлениями, какие фантазии, догадки, мнения и мысли возникали по этому поводу. Связно изложить все это представляет значительные трудности, а написать историю какого-либо предмета является всегда рискованным делом: при самых правдивых намерениях имеется опасность стать неправдивым; больше того: кто берется за такое изложение, заранее объявляет, что кое-что он выдвинет на свет, кое-что оставит в тени.

И все же автор долго радовался этой работе. Но так как большею частью только план стоит перед нашей душой как нечто целое, выполнение же его удастся обыкновенно лишь по частям, нам приходится дать вместо истории — материалы для нее. Они состоят из переводов, выдержек, собственных и чужих суждений, указаний и намеков, и это собрание, если и не отвечает всем требованиям, все же сделано — в этом ему не будет отказано — с серьезным и любовным отношением к делу. Впрочем, для мыслящего читателя такие материалы, хотя до некоторой степени обработанные, однако не переработанные, будут, пожалуй, тем приятнее, что он сумеет сам составить себе из них на собственный лад нечто цельное...

В заключение нам остается еще упомянуть о таблицах, приложенных к настоящему сочинению¹. И здесь перед нами встает та неполнота и несовершенство, которые разделяет наш труд с другими однородными работами.

Если хорошая театральная пьеса много-много что наполовину может быть создана на бумаге, большая же часть ее отдается во власть блеска сцены, личности артиста, силы его голоса, своеобразия его движений, даже развития и расположения духа зрителя, то еще больше можно сказать это о книге, имеющей дело с явлениями природы: чтобы извлечь из нее наслаждение и пользу, читатель должен или в действительности, или в живой фантазии иметь перед собою природу. Ибо пишущий, собственно, должен бы сначала дать своим слушателям наглядное представление о подлиннике — явлениях, которые частью выступают перед нами, помимо нашего участия, частью могут быть преднамеренно и по желанию вызваны специальными приспособлениями; после этого всякое комментирование, объяснение, толкование не было бы лишено живого действия.

Весьма несовершенным суррогатом являются взамен этого таблицы, обыкновенно прилагаемые к сочинениям такого рода. Свободное физическое явление, действующее по всем на-

---

¹ Так как сочинение приводится в сокращении, воспроизведен лишь рисунок на с. 83.

правлениям, нельзя вместить в линии и наметить в разрезе. Никому не придет в голову иллюстрировать химические опыты фигурами; с физическими же, близкородственными, это вошло в обычай, так как кое-что таким путем достигается. Но очень часто эти фигуры изображают только понятия; это — символические вспомогательные средства, иероглифический способ передачи, который мало-помалу становится на место явления, на место природы и служит помехой истинному познанию, вместо того чтобы содействовать ему. Совсем обойтись без таблиц мы тоже не могли; но мы старались так устроить их, чтобы ими можно было со спокойной совестью пользоваться для дидактических и полемических целей, а некоторые из них рассматривать даже как часть необходимых приборов. И вот нам остается только указать на самую работу, предпослав лишь одну просьбу, к которой тщетно прибегал уже не один автор и которую так редко выполняет в особенности немецкий читатель Нового времени:

Si quid novisti rectius istis,
Candidus imperti; si non, his utere mecum¹.

---

¹ Если знаешь что-либо правильное этого, поделись со мной; если нет, пользуйся этим вместе со мною (*лат.*). Цитата из «Посланий» Горация (Episties I: 6,67–68).